

IVI не тяжело и больно писать о Бильжо, потому что художник горько меня обидел. В огромной, килограмма на четыре, книге среди пышно букета откликов разных знаменитостей о Петровиче не нашлось, представьте, места для меня. Как уж он обтяпал этот опрос — дело темное, правды от Бильжо вообще добиться трудно. Сегодня он говорит, что звезд обзванивали, завтра скажет, что они сами стояли к нему в очереди — от Никиты Михалкова до Кирсана Илomme. Но так или иначе пиар потрудился тут на славу.

Одно дело — получить отзыв от дружков: Иртеньева, Жука, Шендеровича — этим рюмку поставь, такого нашелают, только успевай раскланиваться. «Петрович — это народ. Поэтому я его уважаю и немного побаиваюсь» (В. Шендерович). «Меня поражает, что Петрович до сих пор продолжает мне нравиться и смешить меня. Он — прекрасный носитель юмора. Удивительная беззлобность и наивность» (В. Жук). «Хочу пожелать ему триумфально шагать по планете и дальше» (И. Иртеньев).

Могу допустить, что ряд товарищей имеет досуг задуматься о природе Петровича. Например, я лично наблюдала, как Василий Шандыбин в клубе «Петрович» страшно жал руку Андрею Бильжо, что само по себе являлось зрелищем концептуальным и сильно театризованным, как все связанное с художником Бильжо и депутатом Шандыбиным. Два абсолютно лысых человека с косматыми бровями в одинаковых черных костюмах и соотношении практически 1:2 представляли собою как бы диаграмму распространения Бильжо в эстетическом поле России. «Настоящий русский мужик. Никогда не падает духом, смело идет в бой. Вся Россия — Петровичи» (В. Шандыбин).

Но, согласитесь, маловероятно, что солистка балета, пролетая в своем знаменитом прыжке над сценой Большого театра, размышляет: «Петрович — фигура трагическая и по-настоящему российская. Я рада, что наше правительство иногда прислушивается к нему. После публикации карикатуры, где курица советовала Петровичу отдать долги Парижскому клубу яйцами, наша страна действительно погасила задолженность» (Н. Ананишвили).

Было нелегко, полагаю, добыть и такое умозаключение: «К Петровичу отношусь по-разному. Если хорошее художественное исполнение — это одно, а когда зубоскальство — это другое. Карикатура — вещь очень острая; тут важно, с одной стороны, соблюсти чувство меры, с другой — чувство юмора» (Г. Зюганов).

Я, конечно, понимаю, что издательскому дому «Коммерсантъ» важно было показать свой товар лицом. «Его вся страна знает. Очень грамотный товарищ» — в моих устах это одно, а в устах Минтимера Шаймиева — это другое. И все же, ну что тебе стоило, Андрюха, снять трубку и сказать: «Алла, будь другом, сбрось-ка мне на пейджер, что ты там думаешь своими куриными мозгами насчет моего великого изобретения, а именно Петровича!»

Теперь-то я высказана. Но поезд ушел. Книга издана. И придется ждать переиздания, каковое непременно последует, потому что первый тираж — 3000 экземпляров — разлетается буквально на глазах. Ибо велика любовь к Петровичу, на чью долю выпало сыграть великую роль, как сказал бы Д. А. Пригов, симулякра русского народа, что не удавалось еще ни одному персонажу, во всяком случае в области карикатуры. Потому что чувства меры даже при условии чувства юмора тут мало. Небывалая популярность

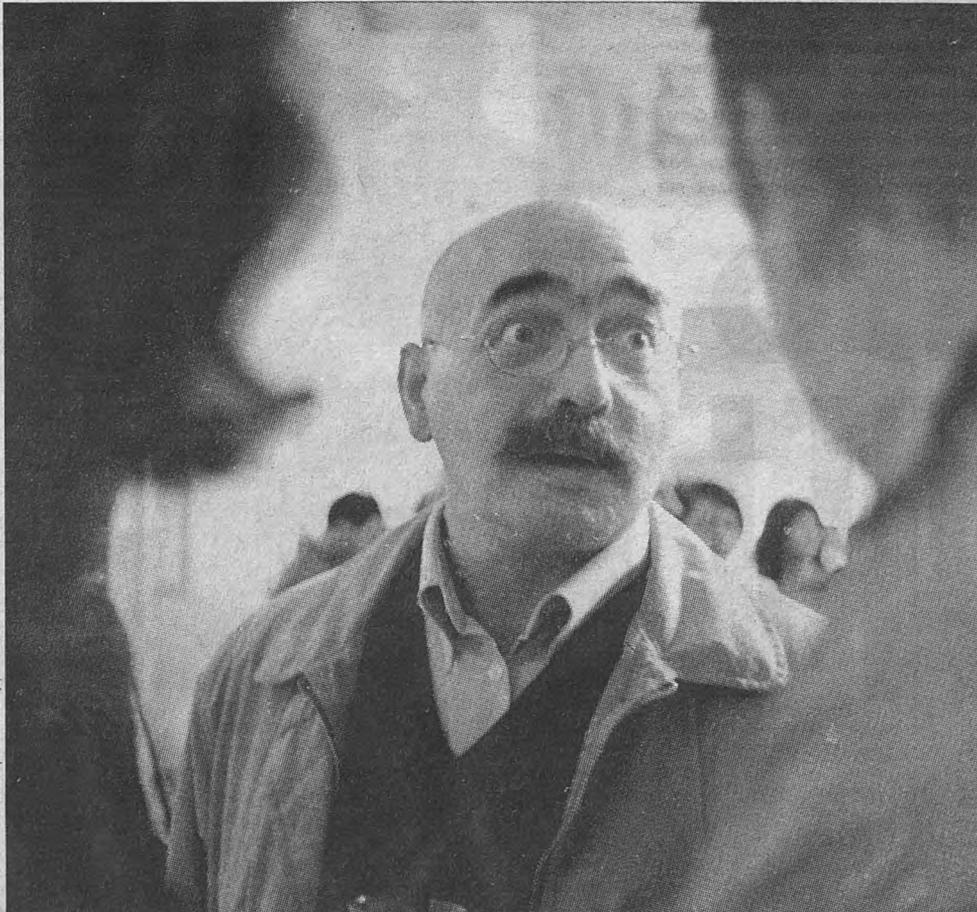

Фото Артема ГЕОДАКОНА

ПЕТРОВИЧ КАК НАШЕ ВСЕ

Андрей Бильжо. Альбом-монография «Петрович и другие»

(М., «Коммерсантъ», «Эксмо-Пресс», при участии банка «Держава». 2001)

Петровича и его значение для русской культуры в том, что он, как и его автор, есть фигуры абсолютно ренессансные, полифоничные, отразившие свое время на всех уровнях, в тысячах сюжетов и непрерывном развитии.

Что такое Петрович в широком смысле? В широком смысле — это эпос. Героем же эпоса выступает, как известно, богатырь. Поэтому следует признать, что Петрович — это самый настоящий русский богатырь, фундаментальным качеством которого (и это гениально уловил Бильжо) является его мукадогатость.

Прошу редактора не пытаться прибегнуть к эвфемизму, аналогов это слово и это качество не имеют. Никаких замен «м» на «ч». Будем уважать русский язык и не будем снижать художественную задачу.

Именно этот основополагающий критерий, заложенный Андреем Бильжо в характер своего любимого героя, обусловил такие милые нашему сердцу особенности Петровича, как его неистребимость, жизнелюбие, здравый смысл, добродушие, доверчивость, искренность, свежесть решений, упорство и, не побоюсь этого слова, бессмертие.

Безусловно, правы все те, кто назвал Петровича глубоко русским персонажем. Я бы определила его уникальность как «гений места». Петрович не может существовать без России, как и Россия — без Петровича. Петрович — это новая русская загадка, рожденная в абсурдную эпоху абсурдного возрождения абсурдной России. А каков ренессанс, таков, согласитесь, и его герой.

Что сказать о монографии чисто как о книге? Поэт Лев Рубинштейн сказывал среди своих изумительных баек такую. Как-то в Тбилиси он ранним утром зашел в хинкальную. Огромный грузин за стойкой протирал стаканы. Очень заботилось учтивому поэту сказать хозяину что-то приятное. На стойке лежали спички. И Лев Рубинштейн нашел уместным похвалить именно их: «Спички у вас хорошие», — сказал он, искательно заглядывая хинкальщику в глаза. Тот окинул хрупкого поэта сонным взглядом и реагировал: «Как спички — ничего».

Так вот: как книга альбом «Петрович и другие» — издательский шедевр. Уж я знаю, что говорю. В наследство от отца мне осталась исключительная библиотека всемирной карикатуры. Есть в ней немало монографий. Несколько образцов совершенно умопомрачительных по вкусу, стилю и культурному осмыслению. Произведение дизайн-бюро «КитАрт» вписалось в этот ряд, как родное. Печать типографии «Линия График» суперкласса: это как же надо любить Бильжо с его Петровичем, чтобы отлудить такой массив бесплатно! Бумага, как сказано в выходных данных, «офигительная», подарок Группы Компаний «Регент». Целые россыпи дивных дизайнерских приколов типа: «оглавление» — на четырех с половиной страницах все 267 картинок размером в почтовую марку. Словом, вещь грамотная, «от кутюр». Штучная.

Что же до факта монографии, то художественная избыточность Бильжо ищет выхода на всех возможных площадях и площадках. Он рисует в газете

— его герой комментирует политическую жизнь страны. Он сочиняет и поет песни, выпускает даже диск: такие песни, исполненные звонкого идиотизма, мог бы писать Петрович. В диагнозах Мозговедла сквозит знакомый профиль с разинутой пастью. Он создает клуб — этот клуб становится штаб-квартирой Петровича. Петрович двигается, разговаривает, обрастает плотью. Петрович — посмотрите правде в глаза — как Шандыбин над Бильжо, навис над худосочием элитарных мифов полнокровным культурным феноменом. Пора, как говорится, отлить. Я имею в виду в крупной форме. В форме настоящей го памятника.

Другими словами, монография о Петровиче есть требование времени и места. Поскольку Петрович — это наше все. Без преувеличений. И я, человек большой личной скромности, готова в связи с этим простить Бильжо всю его несусветную ноздревщину, включая презентацию, отмеченную разнузданным фейерверком.

Люблю тебя, Бильжо, за твое феерическое самовыражение и поздравляю от имени редакции и персонально от себя, а также от имени моей дочери Веры — председателя, ученого секретаря и единственного члена твоего фан-клуба. Надеюсь, что симфоническая сюита «Петя и Волк», прозвучавшая третьего дня в клубе «Петрович» в сопровождении текста, озвученного лично тобою, прошла успешно и отчасти гениально, как все, чего касается твоя легчайшая рука.